

Она привела Цинь Чаншэн в комнату Юй Инь. Внутри царил полный хаос. Оказалось, после смерти Юй Минмин и возвращения домой, Юй Инь разорвала в клочья все свои фотографии, даже семейные снимки были изрезаны ножницами.

Вместе с ними — и удостоверение личности.

Поначалу семья Юй решила, что у Юй Инь просто нервный срыв из-за смерти подруги. Но время шло, и мать девушки заметила неладное.

Юй Инь вела себя в доме как чужая. Она не узнала любимого дядю, не могла назвать свой любимый ресторан, даже путалась в расположении комнат. Позже она стала требовать, чтобы её отпустили обратно в школу, и запретила кому-либо её сопровождать.

Мать Юй Инь была женщиной наблюдательной. Она чувствовала, что дочь изменилась, но не могла понять — что именно.

Дочь узнавала её и отца, помнила имена некоторых старых друзей, но более отдалённые воспоминания стирались. Стоило матери начать допытываться — Юй Инь жаловалась на головную боль. Мать, хоть и строгая, видя её мучения, отступала.

Но семья сомнения уже дало ростки.

Втайне от мужа, по совету знакомой, мать Юй Инь отыскала семью Цинь.

Знаменитый клан Цинь Призрачного Ока из древнего Шу.

Она хотела узнать, что же на самом деле произошло с её дочерью.

Женщина, сидевшая напротив Цинь Чаншэн, была безупречна: гладкие, блестящие чёрные волосы, строгие брюки, облегающие ухоженную фигуру. — Назовите любую цену. Выдвигайте любые условия. Семья Юй щедро отблагодарит вас по завершении дела. Кроме того, — она сделала паузу, — я слышала, ваш клан собирается в горы Куньлунь. У меня есть там кое-какие связи.

Именно последняя фраза стала решающим аргументом для поездки Цинь Чаншэн на гору Цзи.

Цзян Чжунсюэ молча слушала.

Цинь Чаншэн выложила всё, что знала об их задании. Они теперь связаны одной целью, временные союзники — не слишком громкое слово.

К тому же, Цинь Чаншэн не знала, сколько закулисной информации уже есть у Цзян Чжунсюэ. Если её брат рассказал всё заранее, то скрывать что-либо было бы мелочно. Цзян Чжунсюэ — человек способный, сама разберётся, что к чему.

Через некоторое время Цинь Чаншэн перешла к тому, что узнала от Соколиного Глаза, Цин Чжу. Упомянув странную народную песню, она заметила, что Цзян Чжунсюэ наконец проявила интерес.

— Гугугуай? — переспросила та.

Ободрённая её реакцией, Цинь Чаншэн достала телефон и зачитала слова Цин Чжу:

— «Гугугуай! Гуайгуайгу! Внук женится на бабушке; дочь ест плоть матери; сын бьёт в

барабан, снятый с отца; свиньи да овцы на печи сидят; родня в котле кипит; народ с поздравлением идёт, а я гляжу — одна беда».

Цзян Чжунсюэ замерла.

Цинь Чаншэн подошла, луч фонаря скользнул по земле. В лёгкой дымке тумана на лице Цзян Чжунсюэ мелькнуло странное выражение, будто от удивления.

— Гугугуай? Это Баочжи написал?

— Кто такой Баочжи? — машинально спросила Цинь Чаншэн, но тут же сообразила: речь о том самом древнем мастере Гуанцзи, монахе Чжигуне, жившем до нашей эры.

Но было странно: Цзян Чжунсюэ произнесла это имя не как имя давно умершего человека, а с ноткой смирения и сожаления, словно говорила о ком-то знакомом.

Цинь Чаншэн смотрела на неё. Редко Цзян Чжунсюэ проявляла что-то, кроме холодности. Здесь, в этом мрачном лесу, при свете фонарей, её задумчивое лицо казалось почти... уязвимым.

Миг — и лицо вновь стало непроницаемым. Цзян Чжунсюэ взглянула на Цинь Чаншэн, и та поспешила спросить:

— Вы тоже слышали это стихотворение?

Цзян Чжунсюэ покачала головой. Выражение её лица стало сложным. Она посмотрела на очертания горы, тонувшие во тьме. Лунный свет серебрил серые обрывы, а густой лес, поглощённый мраком, напоминал клубки призраков, готовых сорваться вниз.

— Нет, не слышала, — задумчиво проговорила Цзян Чжунсюэ. — Но я знаю Баоаня. Он был одержим буддизмом, жил без оглядки на условности. «Гугугуай» — его любимое словечко. Всё, что его поражало или ставило в тупик, он встречал этим возгласом.

Цинь Чаншэн немного успокоилась. Значит, Цзян Чжунсюэ, при всей своей сдержанности, разбирается в древних учениях.

Заметив это облегчение, Цзян Чжунсюэ бросила на неё короткий взгляд и продолжила:

— Писал ли он это стихотворение — не знаю. Что ещё сказал Соколиный Глаз?

Цинь Чаншэн тоже подняла глаза на серые в лунном свете обрывы.

— Она сказала, самое ценное — это стих «Гугугуай», и что его истоки здесь, на горе Цзи. Мало кто об этом знает. Сама она, может, и не ведаёт, зачем мы здесь, но догадывается — дело связано с Юй Инь. Гора Цзи опасна, и любая информация может стать ключом.

Цзян Чжунсюэ, к удивлению Цинь Чаншэн, кивнула. При лунном свете древние тропы превратились в цепочку чёрных точек на бледных склонах, похожих на многоточие.

— На горе Цзи две известные смотровые площадки, — сказала Цзян Чжунсюэ, запрокинув голову. — Одна — та, что на полпути, другая — на пике Вандуаньфэн. Говорят...

Она запнулась.

— Говорят, гора Цзи была тем местом, куда император сослал свою жену.

Цинь Чаншэн насторожилась:

— Да?

— Легенда времён императора Сяо Яня, — невозмутимо продолжила Цзян Чжунсюэ, глядя вдаль. — Императрица Сиши не верила в добро, творила злые дела, и после смерти была низвергнута, обернувшись телом змеи-наги.

— Говорят, император Сяо Янь был благочестив, почитал практику. Он признал монаха Баоаня учителем государства и спросил его, как спасти Сиши, как вырвать её из змеиного облика и вознести в мир блаженства. Тогда император соблюдал пост, последовал наставлениям учителя, повелел призвать пятьсот святых монахов, воздвигнуть алтарь и принести покаяние перед Буддой. Император был искренен, и, опираясь на сияние Трёх Сокровищ, смог призвать душу Сиши. Та явилась, приняв облик огромной змеи, и обвила алтарь, устрашающая и отвратительная. Монахи взошли на алтарь, вознесли молитвы, совершили ритуальный обход. И Сиши, приняв эту благодать, сбросила змеиную кожу, обретя тело небожительницы. Её образ явился в облаках, она вознесла благодарность и удалилась. Добрая причина свершилась, причинность проявилась явно. После этого император У-ди укрепился в вере, ревностно практиковал, не забывая о благих истоках, в каждое мгновение вникая в истинный смысл.

Цинь Чаншэн слушала, зачарованная. В ровной речи Цзян Чжунсюэ изредка проскальзывали отточенные древние фразы.

— Императрица не верила в добро — и превратилась в змею? — с горькой усмешкой покачала головой Цинь Чаншэн. — Да бросьте! Я вот в Будду не верю, я марксистка!

Цзян Чжунсюэ кивнула, и в её вздохе прозвучала неподдельная серьёзность:

— Именно. Не веришь в добро — станешь змеёй. Не почитаешь богов — навлечёшь проклятие. Видимо, только тот древний бог, что именовал себя милостивым, мог выдумать нечто подобное.

Слово «проклятие» заставило Цинь Чаншэн внутренне содрогнуться. Цзян Чжунсюэ смотрела на неё, но взгляд её был отстранённым.

— Императрица Сиши стала змеёй не из-за неверия, — продолжила она. — Она и всегда-то была змеёй.

В груди Цинь Чаншэн что-то ёкнуло.

Не будь она уверена, что Цзян Чжунсюэ — женщина холодная и надменная, она решила бы, что та шутит. Но в рассеянном свете фонаря она ясно видела: на том лице не было и тени улыбки. Она просто констатировала факт.

Императрица Сиши была змеёй? Супруга императора Сяо Яня — змеиного рода?